

Услышав слова Цюэ Цю, Ань Вэйжань и Луи на мгновение остолбенели, застыв на месте и не в силах прийти в себя.

Лишь когда омега уже почти вышел, Ань Вэйжань первым бросился за ним. Его обычно ледяное лицо на этот раз явно выражало тревогу.

— Как это может быть? Ты ведёшь себя безрассудно! Ты не омега-целитель, это не твоя обязанность!

Цюэ Цю действительно остановился, как того хотел Ань Вэйжань, но не потому, что согласился с его словами, а для того, чтобы на редкость возразить:

— Безрассудно? Но Фиго требуется лечение. Если я не пойду, разве он не останется здесь навсегда? Разве он не умрёт позорной смертью, которой все сторонятся, как чумы? Кроме него, сколько альф и бет столкнулись с той же судьбой? Они не должны всё это переживать.

Он сделал паузу и поднял взгляд на инструктора:

— Это не моя обязанность, и даже не обязанность омега-целителей. Но если в конце концов никто не захочет выступить вперёд, это станет обязанностью каждого.

Краткая фраза прозвучала оглушительно. Ань Вэйжань снова застыл на месте, ошеломлённо глядя на Цюэ Цю.

Но маленький омега лишь спокойно встретил его взгляд и тихо произнёс:

— Кто-то должен выступить вперёд, и я знаю, что этим человеком буду я.

На самом деле, когда Цюэ Цю только-только прибыл в этот мир, он думал, что ни при каких обстоятельствах не хочет вовлекаться в их дела. Он до сих пор всё ещё чувствовал, что этот мир — не его дом. У него была своя родина, и он постоянно готовился покинуть этот мир.

Цюэ Цю действительно считал этот мир длительным путешествием, а встреченных людей — проходящими мимо путниками. Он бесчисленное количество раз был растроган теплотой, которую дарили ему товарищи; бесчисленное количество раз вспоминал доброту, проявленную к нему в районе Доцао; и бесчисленное количество раз испытывал дискомфорт и гнев из-за уродливой экосистемы этого мира. Но он также бесчисленное количество раз напоминал себе: «Ты всё равно вернёшься, не вмешивайся слишком много в дела этого мира».

Однако чем дольше Цюэ Цю оставался в этом мире, тем меньше мог по-прежнему считать себя совершенно непричастным наблюдателем.

Реки текли вперёд, и люди тоже не оставались неизменными.

Поэтому Цюэ Цю постепенно начал колебаться, раз за разом меняя свои прежние убеждения ради некоторых людей или событий в этом мире. Он больше не придерживался принципа «ни в коем случае не вмешиваться» и часто даже действовал по собственной инициативе.

И только что слова Луи, непреднамеренно вырвавшиеся в порыве эмоций, окончательно открыли ему глаза: нравилось ему это или нет, но он ненавидел нынешнее состояние этого мира, не так ли?

Да, с самого первого дня он ненавидел этот мир.

Но если ненавидишь, так измени его, а не оставайся в стороне, думая, что когда-то уедешь.

Куда бы ни вела дорога в будущем, по крайней мере, при уходе не останется сожалений.

Поэтому, будь то просто из жалости к Фиго и другим студентам, или из нежелания больше оставаться в стороне, Цюэ Цю решил отказаться от своих первоначальных планов и действительно что-то сделать.

Ань Вэйжань не мог его остановить, никто не в силах был сделать это. Изменить решение мог только сам Цюэ Цю.

Глядя, как фигура омеги становится всё дальше, Луи наконец пришёл в себя, догнал Ань Вэйжана и растерянно спросил:

— Что он собирается делать? Он хочет заменить омег-целителей и спасти этих альф и бет? Но разве он не...

...бракованный омега?

Ань Вэйжань очнулся от задумчивости, увидел Луи и злобно на него посмотрел. Не говоря ни слова, он бросился вдогонку.

— Нет, почему ты на меня злишься? Я не заставлял его делать это. — Луи пребывал в полном недоумении.

Только что эта пара учителя и ученика упрямились, требуя, чтобы он впустил их, а в следующую секунду уже носились друг за другом — просто голова шла кругом.

Луи покачал головой, заставив себя не заикливаться. Однако, подумав, он всё же вызвал

членов инспекционной команды и сказал им:

— У тех первокурсников раньше не было такого опыта, постарайтесь проверять их состояние каждые несколько часов. Когда придут дежурные омега-целители, в первую очередь организуйте им ментальное успокоение и феромонное облегчение.

Фактически, это всё, что он мог сделать.

— Так точно!

Тем временем Цюэ Цю отправился к Гэбу.

Он знал, что даже если хочет помочь, если он самовольно проникнет в лечебное отделение без разрешения, в конце концов его будет ждать расплата.

Чтобы избежать всех возможных рисков, ему пришлось пройти этот так называемый «процесс».

Ань Вэйжань всё же опоздал на шаг. Он воочию видел, как Цюэ Цю постучал в дверь кабинета директора, и понял, что маленький омега принял твёрдое решение. В итоге он мог лишь отказаться от попыток помешать, ожидая снаружи окончательного результата.

— Войдите.

Цюэ Цю вошёл и увидел не только Гэба, но и Янь Вэйли, который докладывал о важных делах.

Гэб, казалось, заранее предчувствовал подобное. Увидев, что пришёл Цюэ Цю, он не удивился, а вместо этого улыбнулся и поздоровался:

— А, это маленький омега. Давно не виделись. Что случилось, у тебя есть дело?

Янь Вэйли, едва увидев Цюэ Цю, вспомнил, как его запугивали в день вступительных испытаний, и смущённо кашлянул, молча отступив и отодвинувшись подальше.

Цюэ Цю не стал тратить слов и сразу перешёл к делу:

— Инспекционная команда под предлогом аномальных результатов генетического теста увела более десятка студентов первого курса боевого факультета. Я и инструктор Ань посетили лечебное отделение и обнаружили, что назначенные дежурные редко добросовестно выполняют свои обязанности, а у альф и бет, доставленных в лечебные палаты, недостаточно ресурсов для лечения. Поэтому я прошу разрешения войти в лечебное отделение и провести

лечение альф и бет с аномальными результатами генетических тестов.

Не успел Гэб вымолвить слово, как ранее чувствовавший себя неловко Янь Вэйли тут же забыл об этом, нахмурился и строго отказал:

— Как это возможно? Ты не являешься омегой-целителем, не обладаешь растительными генами и сам подвержен риску генетического заболевания. Тебе ни в коем случае не стоит этим заниматься.

Цюэ Цю заранее предвидел их возможные возражения и невозмутимо произнёс:

— Хотя я и не омега-целитель, я все же омега. Любой омега теоретически обладает способностью лечить, не так ли?

Янь Вэйли резко сказал:

— Не забывай, что ты не можешь производить и воспринимать феромоны, поэтому ты не способен проводить ни ментальное успокоение, ни феромонное облегчение. В общем, это дело чрезвычайно опасно как для тебя лично, так и для тех альф и бет. Я не согласен.

Янь Вэйли думал, что, сказав так много и почти напрямую назвав Цюэ Цю бракованным омегой, тот не станет больше возражать, но неожиданно молодой человек всё же продолжал настаивать:

— Я могу. Я могу провести ментальное успокоение.

Янь Вэйли недоумевал, а Гэб тем временем заинтересовался. Оба одновременно спросили:

— Как ты будешь проводить ментальное успокоение?

Цюэ Цю даже глазом не моргнул, солгав:

— Хотя я и не омега-целитель, но я омега боевого факультета уровня S. Ментальная сила, которая есть у омег-целителей, есть и у меня, и она не слабее, чем у любого омеги-целителя.

Цюэ Цю уже придумал объяснение по дороге: эффект его духовной силы фактически больше или равен ментальной силе людей этого мира. Если он назовёт свою духовную силу ментальной, это не раскроет его истинную личность и объяснит, почему у него есть целебная способность, и даже одновременно легализует его духовную силу в этом мире.

К тому же, количество омег, выбирающих боевой факультет, почти равнялось нулю. Не говоря

о военных академиях других планет, в военной академии Тёмной планеты со дня основания, кроме Цюэ Цю, не поступало омег.

Раз омег на боевом факультете почти не было, где же взять образцы для сравнения? Поэтому никто не знал, могли ли омеги боевого факультета, как омеги-целители, предоставлять альфам и бетам ментальное успокоение. Естественно, они не смогут возражать.

Янь Вэйли больше не мог найти причин остановить Цюэ Цю. Он, как альфа уровня S, ещё и заведующий военной академии Тёмной планеты, раз за разом терпел поражение от маленького омеги, что заставляло его чувствовать сильный стыд.

— Хмф, кто будет спорить с глупцом? Поступай как знаешь. — Он сердито скрестил руки, стоя в стороне и больше не говоря ни слова.

Цюэ Цю посмотрел на Гэба. Тот на протяжении всего процесса не вставлял ни слова и улыбался, в уголках его глаз собрались морщинки.

Янь Вэйли опустил руки, не желая больше уговаривать Цюэ Цю, но из-за воспитания с детства всё же инстинктивно хотел оградить омегу от всех возможных травм.

— Директор Гэб, он ничего не понимает. Вы не должны ошибаться.

Янь Вэйли думал, что директор не согласится на такое абсурдное требование, но, к его полной неожиданности, тот сказал:

— Почему бы не дать маленькому омеге попробовать? Никто из нас не знает, могут ли омеги боевого факультета лечить альф и бет. Только реальная практика покажет окончательный результат.

На лице Янь Вэйли, обычно угрюмом, появилось удивление. Он недоверчиво произнёс:

— Разве вы забыли? Его генетический тест показал отсутствие растительных генов! Перед лицом стольких альф и бет, у которых может или уже проявилась генетическая болезнь, его положение опаснее по сравнению с омегами-целителями! Чтобы спасти людей, стоит ли подвергать опасности самого спасителя? Какой смысл в таком тесте?!

Гэб задумался, прежде чем сказать:

— Смысл не в самом тесте, а в его результате.

Он посмотрел на Цюэ Цю, его взгляд был многозначительным.

— Давай оставим выбор маленькому омеге. Каким бы ни был результат, нужно попробовать изо всех сил.

Цюэ Цю не очень понравился взгляд Гэба. Он слегка подвинулся, а затем твёрдо сказал:

— Я настаиваю на том, чтобы иметь возможность в любой момент войти в лечебное отделение и предоставить помощь альфам и бетам с генетической болезнью.

Гэб с одобрением смотрел на него, в его взгляде проглядывала ободряющая улыбка:

— Если бы каждый омега-целитель был таким, как ты, возможно, сегодняшняя ситуация не была бы такой плохой.

— Это не их вина, — поправил Цюэ Цю. — С начала до конца у них не было выбора, только пассивное сопротивление как единственный протест. Когда некоторые теряют право свободного выбора, нельзя требовать от них большой самоотверженности.

Гэб не стал спорить о правильности омега-целителей. Он встал и на расстоянии кивнул Цюэ Цю:

— Каким бы ни оказался результат, я от имени всех альф и бет Военной академии планеты Сыку выражаю тебе свою благодарность и уважение.

Цюэ Цю не привык к такой торжественной просьбе. Он не мог терять ни секунды, поэтому, наскоро обменявшись любезностями, покинул кабинет директора.

Когда молодой человек выходил, Янь Вэйли несколько раз хотел что-то сказать. Выражение его лица колебалось, но в конце концов он не произнёс ни слова, лишь мысленно понадеялся, что омега сможет вернуться целым и невредимым из лечебного отделения.

Глядя на удаляющуюся спину Цюэ Цю, Гэб восхищённо произнёс:

— Какой выдающийся омега. Если он продолжит идти с таким сильным духом, его будущие достижения, возможно, не уступят Лю Чанмину.

Янь Вэйли всё ещё злился, что Цюэ Цю не послушал его. Услышав эти слова, он раздражённо заявил:

— Чрезмерная доброта рано или поздно погубит его, Лю Чанмин куда более жесток.

Гэб на редкость сдержал улыбку:

— Заведующий Янь, осторожнее в словах.

Как только Цюэ Цю вышел из кабинета директора, Ань Вэйжань быстро схватил его:

— Они согласились, чтобы ты пошёл в лечебное отделение?

Тот кивнул.

Ань Вэйжань отпустил его, мгновенно сникнув:

— Я думал, по крайней мере директор Гэб не согласится...

Но раз уж дело сделано, и нельзя повернуть назад, он мог лишь сказать:

— Обычно, когда омеги-целители дежурят, за день они лечат максимум четырёх альф или бет. Этот предел определяется генетическим уровнем омеги: чем он выше, тем больше людей можно вылечить за день. Я не знаю, сможешь ли ты добиться успеха и где твой предел, но хочу сказать — делай, что можешь, но не напрягай себя слишком сильно.

— Прежде чем спасать, ты должен понять одну вещь. Это не потому, что твоих способностей недостаточно, а потому, что они сами уже больны. Даже если результат будет неудовлетворительным, это вовсе не твоя вина. Не чувствуй из-за этого сожаления или вины, — заключил Ань Вэйжань заключил. — В общем, прежде всего думай о себе.

Будучи учителем, как он мог не заметить, что за холодной внешностью Цюэ Цю скрывалось горячее сердце? Именно поэтому он ещё больше не хотел, чтобы это пылающее сердце было затушено суровым морозом и снегом — оно было столь же драгоценно, как самая чистая душа растений.

Цюэ Цю почувствовал тепло в сердце. Выражение его лица смягчилось, когда он кивнул:

— Я всё понимаю. Спасибо, инструктор Ань.

Ань Вэйжань хотел предложить ему посильную помощь:

— Тебе нужно что-нибудь ещё подготовить?

Цюэ Цю сначала собирался сказать, что ему ничего не нужно, что он и так готов идти. Но, по неизвестной причине, перед тем как произнести эти слова, в его сознании вдруг возникли прекрасные цветы шелестуна, которые он видел перед уходом.

Поэтому он передумал.

— Мне нужно сначала вернуться в общежитие, взять кое-что для альф и бет из лечебного отделения.

* * *

Наступила глубокая ночь. Прошло уже целых десять часов с тех пор, как Фиго забрала инспекционная команда. Военная академия Тёмной планеты погрузилась во тьму и тишину, а возле лечебного отделения возвышались высокие стены, что создавало ещё более мрачную и зловещую атмосферу, наполненную постоянными мучительными криками альф и бет, от которых кровь стыла в жилах.

Даже обычные альфы и беты почувствовали бы здесь холодок по спине, не говоря уже о более чувствительных и нежных омегах. Но Цюэ Цю один пришёл к пункту контроля лечебного отделения, чем сильно удивил дежурившего ночью Луи. Мужчина не ожидал, что омега действительно вернётся.

— Ты...

Цюэ Цю без лишних слов сразу показал ему пропуск, лично предоставленный Гэбом.

Без необходимости что-либо добавлять, Луи больше не препятствовал и сразу пропустил его.

Альфа-леопард смотрел, как фигура омеги постепенно сливается с темнотой. В его сердце всплыли тысячи мыслей, и на мгновение он испытал сложную гамму чувств, не зная, что сказать.

Луи изначально думал, что слова Цюэ Цю днём были просто пустыми разговорами, но не ожидал, что тот действительно претворит их в жизнь.

Более того, он не держался перед ним с высокомерным отношением спасителя и не принижал тех омег-целителей, которые отказывались дежурить по графику.

Он просто делал то, что считал нужным, и всё.

Возможно, до этого Луи всё ещё подсознательно испытывал коллективные предубеждения против омег, но сейчас, глядя на эту хрупкую, тонкую фигуру, в нём возникло возвышенное чувство уважения, и он от всего сердца стал по-настоящему уважать Цюэ Цю.

Находясь в беспредельной тьме, он видел не только бездонное отчаяние, но и светлую надежду, принесённую Цюэ Цю.

И не только Луи. Все, кто знал об этом, от всего сердца восхищались этим маленьким, хрупким, но обладающим невероятной силой омегой.

Первым, кого Цюэ Цю отправился навестить, был, естественно, Фиго.

Сотрудник инспекционной команды привёл его в палату Фиго и ещё раз с беспокойством напомнил:

— Если возникнет чрезвычайная ситуация, немедленно позови на помощь. Мы примем срочные меры для оказания помощи.

— Когда омеги-целители приходят дежурить, им так же оказывают помощь?

— Да. Хотя приступ генетической болезни звучит страшно, мы подготовили всё до мелочей — и ограничения для пациентов, и хорошо обученные сотрудники инспекции, которые всегда ожидают снаружи лечебного отделения. Мы прикладываем все усилия, чтобы обеспечить безопасность омег.

Для Империи омеги-целители, очевидно, являлись не просто гражданами, но и очень ценным общественным ресурсом, поэтому им, естественно, уделяли особое внимание.

Цюэ Цю кивнул и вошёл внутрь.

Палата оказалась очень узкой, почти нигде было развернуться, а также очень тёмной, хоть глаз выколи.

Цюэ Цю долго ощупывал стену у двери, прежде чем нашёл выключатель подвесной лампы.

Со щелчком в непроглядной железной комнате наконец появился тусклый жёлтый свет.

При этом слабом освещении вся железная комната была как на ладони: у дальней стены стояла железная кровать, в углу — унитаз и очень узкая умывальная, посередине — железный стол.

Больше никаких удобств не было.

Цюэ Цю нахмурился. Ему было трудно представить, что такие простые помещения могли появиться в высокотехнологичном будущем мире. Как ни сравнивай, условия казались лишь чуть лучше, чем в тюрьме.

Но ведь альфы и беты, содержащиеся здесь, были просто больны, а не преступниками.

Их не стоило подвергать такому обращению.

Цюэ Цю наконец понял, почему школьный врач-бета сказал, что большинство людей с аномальными результатами генетических тестов, помещённых в лечебное отделение, в итоге испытывали приступы генетической болезни, и лишь немногие возвращались...

В такой ужасной обстановке, без своевременного лечения и под постоянным влиянием пациентов с приступами генетической болезни со всех сторон, как альфы и беты могли избежать провокации собственной генетической болезни?

Цюэ Цю замедлил шаги и медленно подошёл к железной кровати.

Фиго свернулся калачиком, повернувшись лицом к стене и, казалось, погрузившись в сон.

Он словно почувствовал чьё-то присутствие, но только беспорядочно повёл ушами и хвостом, по-прежнему оставаясь свёрнутым, как креветка, и не двигаясь. Его поза говорила о полном отсутствии чувства безопасности.

Цюэ Цю почувствовал неладное. Он осторожно уложил Фиго на спину, и во время движения случайно коснулся его лба, что вызвало у него ещё большее беспокойство.

На ощупь волосы были слегка жёсткими, альфа горел от сильного жара.

Цюэ Цю сосредоточился. На кончиках его пальцев собрался яркий золотой свет, осветив всё вокруг. Он приблизился и внимательно рассмотрел, его глаза невольно расширились.

На лбу Фиго отчётливо проступал узор в виде иероглифа «□», как у тигра.

Его генетическая болезнь уже была спровоцирована, а тело начало превращаться в зверя!

Эта картина перед глазами заставила Цюэ Цю снова вспомнить Ань Цзеле, того альфу-чёрного медведя, чья генетическая болезнь уже настолько серьёзно прогрессировала, что половина тела полностью мутировала.

Конечный итог, естественно, стал отправкой в центр пустыни, где он спокойно ожидал своей последней судьбы.

Цюэ Цю даже не успел огорчиться. Сначала его охватило чувство облегчения: к счастью, мутация Фиго только началась. Всё было не так серьёзно. Возможно, ещё оставалась надежда его спасти.

Цюэ Цю глубоко вдохнул, взял Фигу за руку и тихо сказал:

— Тигрёнок, верь мне, с тобой всё будет хорошо.

Фигу, казалось, почувствовал присутствие Цюэ Цю, и даже находясь в бреду, всё равно инстинктивно доверился ему, бессознательно прижавшись лбом к мягкой ладони.

Его тело, до этого дрожавшее от жара, постепенно успокоилось. Он тихо ждал наступления спасения.

<http://bllate.org/book/13573/1324496>